

Сергей
Бакшеев

ОПАСНАЯ
УЛИКА

МОСКВА

Личные тайны следователя

Петелиной

Сергей
Бакшеев

ОПАСНАЯ
УЛИКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б19

Бакшеев, Сергей Павлович.

Б19 Опасная улика / Сергей Бакшеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Петля. Личные тайны следователя Петелиной).

ISBN 978-5-04-214898-9

Катя еще могла связно говорить, могла вспоминать, даже смогла назвать имя своего обидчика. Но отчетливо понимала, что ее жизнь отсчитывает последние минуты. И никто уже ничто не изменит. Даже отец, который в этот момент был особенно жалок. И его нелепые попытки вырвать дочь из порочного круга...

Она была спокойна как никогда. Решение принято. Мокрый, ржавый край крыши скрипнул под ее ногой. Далеко внизу стоял ее отец, но он был уже в другом, параллельном мире.

Последнее, что Катя сделала осознанно — это истошно и отчаянно крикнула и шагнула в пропасть...

Банальное самоубийство из-за неразделенной любви? Следователь Петелина сразу же отменяет эту версию. Смерть девушки подводит ее к цепочке кровавых событий, связывающих совсем незнакомых людей, каждый из которых ищет с виду пустячок: пропавшую почтовую марку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бакшеев С.П., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-214898-9

1

Грязный снег перед подъездом многоэтажки оседал, превращаясь в расплзающиеся лужи. Игорь Васильевич Гребенкин сверился с адресом на бумажке. Пятидесятилетний нерадивый папаша впервые приехал в Москву для того, чтобы встретиться со взрослой дочерью. Линялая шапка-ушанка из ондатры, вышедшая из моды в прошлом веке, выдавала в нем провинциала. Гребенкин стоял перед домом дочери и терпеливо ждал, как они и договорились по телефону.

Хлопнула дверь. Из подъезда выпорхнула девушка с черной гривой волос, завитой мелким бесом. «Как она хороша!» — мысленно ахнул Гребенкин.

Распахнутая красная куртка с рыжей меховой подстежкой, белая блузка с откровенным декольте, черная кожаная юбка и высокие бордовые сапоги на шпильках подчеркивали сексуальность девушки.

— Катя! — выдохнул Игорь Васильевич, подавшись навстречу дочери.

Он заметил пунцовое пятно на ее скуле и свел брови.

— Кто?

— С Борькой поцапалась. Вечно недоволен, мразь!

— Я знаю, чем ты вынуждена заниматься. Но я с этим покончу. Для того и приехал. Только покажи мне его!

— Ничего ты не понимаешь. Это моя жизнь.

— К черту такую жизнь! Теперь все будет по-другому. — Гребенкин засуетился, извлекая из кармана коробочку с покатою крышкой. — Вот. Это кольцо я хотел подарить твоей маме. Оно твое, Катя.

— Врешь! Чего же ты смылся, как только я родилась?
— Меня перевели в другую часть. Я был офицером и не мог...

— Вечно у вас, мужиков, отговорки. — Катя примерила колечко с голубым камешком, покрутила ладошкой. Выражение ее лица немного смягчилось. — Ладно, бабы тоже не ангелы. Сейчас я тебе такое расскажу!

Девушка высоко подняла голову. Ее шея вытянулась, а сузившиеся глаза пытались что-то разглядеть на крыше.

— В чем дело? — обеспокоился Гребенкин.

— Тебя ждет сюрприз. Огромный сюрприз! — нервно затараторила девушка. — Стой здесь, скоро сам все увидишь, папаша.

Катя ладонью остановила мужчину, который хотел последовать за ней, и забежала в подъезд.

Оставшись один, Гребенкин потоптался между луж, невольно вспомнив, что сегодня первое апреля — день розыгрышей. Что задумала Катя? Он уже давно отвык от шуток.

Рядом около чистенького серебристого автомобиля «Шкода» курили двое мужчин средних лет. Гордый хозяин, прищуриль глаз, любовно демонстрировал идеальность лакокрасочного покрытия автомобиля.

— Зацени, сосед. Крышу выправили идеально. Стекла поменяли, покрасили в камере, как положено, и еще полировка. Все за свои кровные!

— Что с девки-самоубийцы возьмешь...

— С шестнадцатого этажа сиганула. Не могла рядом шлепнуться.

— Теперь машина как новенькая. Не боишься на то же самое место ставить?

Владелец «Шкоды» усмехнулся:

— Ну, ты загнул! Два раза в одну воронку бомба не...

И тут женский крик, пронзительный и резкий, как звон разбитого стекла, заставил мужчин задрать головы.

Увидев невообразимое, они с ужасом отпрянули. Через секунду на их глазах на отремонтированную машину грохнулось женское тело. Хрустнули стекла, завизжала сигнализация. Мужчины обомлели. У одного из них отвисла челюсть, с губы упала тлеющая сигарета. Ноги владельца машины подкосились, и он осел на мокрый снег.

Игорь Гребенкин подбежал к машине. Его расширенные глаза сразу узнали бордовые сапоги и красную куртку. Девушка упала спиной на стык крыши и лобового стекла, ударившись затылком о капот. Ее лицо закрывали кудряшки, под головой расплывалось кровавое пятно. На свисающей безжизненной руке Гребенкин заметил знакомое колечко с топазом. Отказываясь верить собственным глазам, он откинул черные пряди волос с матового лица девушки и взвыл от боли.

На смятой машине лежала его дочь Катя.

2

В первый день после отпуска идешь на работу как на новое место — все вроде бы знакомое, но будто не твое, и приходится заново вживаться в привычное окружение. А порой испытываешь такое ощущение, словно очнулся от спячки в скоростном поезде, который проехал полмира, пока ты никуда не спешил. Или кажешься себе начинающим гонщиком, который выводит непрогретый автомобиль на трассу, где коллеги наматывают круги на неистовых скоростях, сидя в гоночных болидах.

Примерно так чувствовала себя старший следователь майор юстиции Елена Павловна Петелина, поднимаясь в свой кабинет. Она наивно полагала, что коллеги обрадуются ее появлению и особо отметят таиландский загар. Размечталась! Вот прошмыгнул озабоченный подполковник: «Привет». «Привет» — будто они видят-

ся каждый день и не было двух недель перерыва. А еще крупилезным следователем считается!

Ближе к обеду служба вошла в привычное русло: почта просмотрена, документы разобраны и систематизированы, необходимые звонки сделаны. Последними новостями поделились «девчонки» из канцелярии во время чаепития. Они, конечно, дружно выпытывали про отпуск. Тем более что две недели на тропическом острове Пхукет Елена провела не только с дочкой Настей, но и с оперативником Маратом Валеевым. Пришлось выслушать многозначительное «И как он?», «Да что ты!» и смириться с режущим слух определением «гражданский муж».

— Ленюк, наконец-то прилетела! — В кабинет к Елене ворвался ее бывший муж Сергей Петелин.

С бизнесменом Сергеем Елена развелась пять лет назад, не выдержав его постоянных измен и вечных упреков в том, что работа для нее важнее семьи. Их тринадцатилетняя дочь Настя оставалась связующим звеном между бывшими супругами.

— Кто тебя впустил, Петелин?

— Да на меня вот-вот уголовное дело заведут! Я сюда, в Следственный комитет, как на работу ходить буду.

— Какое дело? Ты можешь говорить спокойно?

Сергей Петелин являлся владельцем транспортной компании. Как у всякого бизнесмена, у него бывали проблемы, и он по-родственному обращался за консультацией к бывшей жене — у старшего следователя помимо опыта имелись еще и немалые возможности.

— Я влип. По-крупному! — Сергей плюхнулся на стул и вытер ладонью потный лоб.

— Да объясни толком!

— Понимаешь, я получил заказ на перевозку крупной партии медикаментов из Москвы в Волгоград, от поставщика к покупателю. Обычное дело: загрузил две

фуры и отправил. Конечным пунктом в документах значился складской комплекс «Южный» на улице Промышленная, пятнадцать. Вот товарно-транспортные накладные.

Елена мельком взглянула на бумаги с отметкой о приемке товара.

— И зачем ты мне их показываешь?

— Ты выслушай до конца. Прибыли мои водилы в Волгоград поздно вечером, сунулись на базу, на складе их ждут. Ну, и сгрузили!

— Я вижу. Дальше-то что?

— А то! Покупателем числится фирма «Фарма-прод». А они отдали товар в ангар «Фарма-проф»! Посмотри на печать!

Елена легко убедилась в том, что последняя буква в реквизитах покупателя и на печати грузополучателя не совпадает. Следовательно, это были разные юридические лица.

— Водилы ни черта не заметили, фуры вернулись в Москву. И тут ко мне крутые претензии — где товар? Стали разбираться. Ангар, куда сгрузили препараты, пуст! Никакой «Фарма-проф» нет! А «Фарма-прод» — вот она, рядом, сто лет там сидит!

— И что теперь?

Сергей тяжело вздохнул.

— Кранты мне. Я принял товар как ответственный перевозчик и сбыв его неизвестно куда. Поставщик и покупатель требуют с меня деньги. А это три миллиона американских долларов!

— Юридически они правы.

— Но это же откровенное кидалово, Ленок!

— Будешь разбираться по понятиям?

— Прошли те времена. Они обратятся в суд и выиграют.

— Жалеешь о былой «крыше»?

— Не издевайся, Ленок. Лучше скажи, что делать?

— Надо подать заявление о мошенничестве. Заведут уголовное дело. И если следователь попадется толковый...

— Ты же следователь!

— Петелин, я работаю по другим делам и в другом городе.

— Поставщик московский, он с покупателем заодно, я уверен!

— Преступный сговор и факт мошенничества нужно будет доказать.

— Так помоги мне, Лена!

— Петелин, ты не понимаешь... — Елена накрыла ладонью стопку папок на столе. — Я работаю в рамках тех уголовных дел, которые доверены мне руководством. В твоём случае дело будут вести волгоградские следователи.

— Значит, ты отказываешься помочь отцу своего ребенка? — оскорбился Петелин.

— Я могу позвонить, попросить. Не более.

— Не более, — ядовито процедил Сергей. — Понравилось на мои деньги с любовником в Таиланде развлекаться? Небось посмеивались с Маратом надо мной. Как же, нашли лоха, который оплачивает ваши путешествия.

Елена встала.

— Вот что, Петелин. Ты давал деньги на отдых дочери. Я и Марат отдыхали на свои. И он мне не любовник, а ты не муж.

— А кто же он? Самец для случайных связей? Самочке приспичило, и она закрутила хвостом...

— Пошел вон! — вскипела Елена.

Сергей Петелин поднялся, сгребая в папку накладные.

— Три миллиона баксов для меня большая сумма. Если я ее лишусь — считай, разорен. Ни ты, ни Настя от меня ни копейки не получите. Ты хотя бы об этом подумай.

Сергей никогда не был скрягой. Он обеспечил бывшую супругу и дочь хорошей квартирой, выплачивал им ежемесячное пособие и частенько баловал Настю подарками. На отдых дочери он тоже не скупился. Этого Елена не отрицала.

«Но деньги не дают ему права оскорблять меня!»

— Уходи, Петелин, — сдерживая гнев, приказала Елена.

На столе громко зазвонил ее смартфон. По забойной песенке The Beatles «Love me do» Елена узнала, что звонит Марат Валеев. Сергей разглядел фото на дисплее и процедил сквозь зубы ругательства. Елена не спешила прикрывать рукой снимок, который сделала на тайском пляже, — на нем загорелый Марат стремился к ней с бесстыжим блеском в глазах.

— Да пошли вы оба! — Бывший муж вышел, хлопнув дверью.

Елена перевела дух и откликнулась на назойливые слова песни, легко переводимые с английского: «Люби, люби меня. Ты знаешь, я люблю тебя. Я всегда буду верен тебе, так что, пожалуйста, люби меня. Оу-оу, люби меня!» Марат нарочно установил эту мелодию на свой вызов, потому что в моменты близости часто шептал Елене на ушко подобные глупости.

Но на этот раз его голос звучал озабоченно:

— Ленусь, с первым трудовым днем. У нас тут странный суицид. Совсем еще девчонка. Приехать сможешь?

3

Генерал Константин Викторович Баюкин не виделся с сыном Алексеем почти пять лет. Первый разлад произошел из-за того, что генерал развелся с расплывшей до неприличия женой и в его квартире появилась энергичная сексапильная фурия, ровесница Алексея. Окончательно сын-офицер обиделся, когда отец грубо

отказал составить ему протекцию по службе. Баюкин-старший дышал кондиционированным воздухом в уютном кабинете Главного квартирно-эксплуатационного управления Министерства обороны. А капитан Алексей Баюкин глотал дорожную пыль в мотострелковой бригаде в беспокойном Дагестане.

Разве трудно отцу похлопотать о переводе сына на хорошую должность в Москву или Московскую область? Так многие поступают. Но генерал Баюкин всего добился сам и считал, что тяготы военной службы в горячей точке пойдут сыну на пользу. Подобные доводы бесили Алексея. Ему тридцать, а он все еще капитан при отце-генерале! Сослуживцы пальцем у виска крутили, слыша о «правильном» папочке.

Однако доминирующей чертой характера генерала Баюкина была не верность долгу, а природная осторожность. На пути к заветной цели он боялся погореть на пустяках. На примерах зарвавшихся коллег генерал уяснил: скромным казаться выгодно — до поры до времени. Обтяпывай делишки и не высовывайся. И вот наступал момент, когда можно будет пожинать плоды былой осторожности...

В прихожей запиликал звонок. Генерал ждал его и поспешил к двери. Сын приехал в линялой летной куртке с оторванной эмблемой и с небольшой дорожной сумкой через плечо. Его покрасневшие от ветра глаза ощупывали отца с настороженной угрюмостью.

— Проходи-проходи, — засуетился Баюкин-старший, похлопывая Алексея по плечу. — Давай сразу на кухню. Отметим.

Он усадил сына за стол, на котором уже стояла бутылка водки и легкая закуска. Константин Викторович первым делом наполнил стопки.

— Хорошо, что приехал. Ну, за встречу!

Алексей огляделся.

— А где твоя...

— Забудь! — не дал ему договорить генерал. — Я давно выгнал эту вертихвостку. Молодуха сучкой оказалась, деньги транжирила, гуляла на стороне. Эх, да что там!

Генерал залпом выпил водку, закусил маринованным огурчиком.

— По хозяйству я теперь справляюсь сам, а с этим делом... Мне же не много надо. Раз в неделю приглашаю девушку по вызову. Она и моложе той, и нервы у нее на месте, и дешевле обходится. Чего застыл? Теперь с этим просто, не то что в былые годы из-за этих парткомов. Пей, Алексей.

Баюкин-младший осушил стопку, вытер кулаком губы.

— Выходит, ты мать на шлюху променял.

— Не заводись, Леша.

— Ее выгнал и мне ни хрена не помог. Служу в самом пекле, ни квартиры, ни звания! Бабу пригласить некуда. А папаша хвастается тем, как продажных телок в трехкомнатных хоромаш мнет.

— С прошлым покончено! А тебе я не помогал для твоего же блага.

— Да? — изображая удивление, округлил глаза Алексей. — Объясни тупому капитану.

— Давай выпьем, как раньше. Помнишь, как твои лейтенантские погоны обмывали?

— Да плевать мне на воспоминания!

— Ты не ори на отца, а выслушай! — Генерал снова выпил водки, сын последовал его примеру. — Ты телевизор смотришь, в курсе, какие сейчас порядки? А какая у меня должность, забыл? Декларации, проверки, сопоставление доходов и расходов — эх, да что там! Ты думаешь, мне для сына квартиру жалко? Нет! Но я постоянно под колпаком. Малейший факт, обвинят в коррупции — и меня посадят, и у тебя квартиру отберут.

— Выходит, ты самый честный работник в Министерстве обороны?

— Самый осторожный.

— За осторожность страуса! — поднял стопку Алексей. — Ничего не вижу, ничего не слышу, а каждый, кто захочет, может дать мне под...

— Дурак ты, Леша! — Генерал снова выпил. Его лицо постепенно багровело. — Я тоже при делах. Знаешь, как квартиры для военнослужащих, уволенных в запас, уходят налево? Это хитрая система! Я оформляю фиктивные выписки из приказа на получение социального жилья. Другой человек подделывает договоры о социальном найме с районными квартирно-эксплуатационными частями. Юрист предъявляет в суд иски на права приватизации недвижимости. «Наш» судья штампует решение. На квартиры получают подлинные документы о собственности, и все — выставяй на продажу.

— И в чем же заключается твоя осторожность?

— А в том, что я подделываю подпись своего начальника и денег за это не получаю.

— Вот она — святая благотворительность! Метишь в кресло папы римского?

— Я получаю нечто другое, не менее ценное.

— Золото, бриллианты?

— Тоненький конверт, который легко провезти за границу.

Баюкин-младший снова выпил, поковырял вилкой салат, пожевал и искоса посмотрел на отца:

— Зачем ты меня вызвал? Водку жрать я могу и в Дагестане.

— Началось расследование по квартирам, взялись крепко.

— Тебя посодют, а ты не воруй! — парировал сын крылатой фразой из популярного фильма.

— Не дерзи отцу, Алексей!

— Зови меня Алексом, так привычнее.

Генерал залпом выпил, закусил, исподлобья изучая сына.

— Через две недели мне пятьдесят пять, если помнишь. Самое время сваливать, пока не поздно. Я уже подал рапорт об отставке. Уйду на пенсию, уеду в Латвию, куплю домик, получу вид на жительство. Отсюда я ничего не возьму. Квартира в престижном генеральском доме достанется тебе. Я уже нанял адвоката на случай неприятностей. Его зовут Денис Гомельский. Он подготовил бумаги. Подпишешь — и эта квартира твоя! А еще я похлопочу о твоём переводе в Москву. Есть два варианта...

— Какие варианты? Ты хоть знаешь, что я получил ранение и контузию? Два месяца валялся в госпитале, а неделю назад меня комиссовали!

— Все настолько серьезно?

— Иногда так накатит... — Алекс оскалился и жесточно постучал себя по голове. — В башке словно червь завелся. Всех готов разорвать!

— Ладно, на гражданке тоже есть хорошие должности. Что-нибудь придумаем.

Генерал налил в стакан воды и стал медленно пить, хмуря брови.

— Вот еще какое дело. — Баюкин-старший поднял глаза на сына. — Я с тобой откровенен. Адвокат Гомельский предупредил: если следствие выйдет на меня, возможен обыск. Я должен избавиться от любых подозрительных улик. Денег и ценностей я не держу, а вот конверт... Будет лучше, если ты его заберешь и поживешь у мамы.

— Какой конверт?

— Тот самый, который лучше денег. Два конверта у меня уже были, это третий. Самый ценный.

— Ни хрена не понял.

Генерал хитро улыбнулся:

— Идем покажу.

Отец и сын вошли в просторную гостиную. Генерал направился к книжному шкафу, раздвинул книги, на секунду опешил и принялся торопливо перебирать соседние тома.

— Что такое?! Где? Вчера еще он был тут! — кипятился генерал.

На пол полетели книги с полка. Когда шкаф опустел, Баюкин-старший опустил руки.

— Нет конверта. Исчез. — Он задумался. — Катька! Больше некому.

— Какая Катька? — Видя состояние отца, Алекс всерьез обеспокоился.

— Проститутка. Была у меня ночью, утром свалила. Только она могла утащить конверт! — Генерал, умоляюще глядя, схватился за сына. — Алекс, ты должен найти ее и вернуть конверт! Это чрезвычайно важно! Тебя никто не знает, можешь действовать смело, а мне светиться нельзя.

— Что значит «смело»?

— Грохни эту суку, если надо, а конверт верни!

— Он так дорого стоит?

— Я отвалою тебе полмиллиона рублей.

— А квартира? Она тоже моя?

— Да, конечно.

— Ну, ладно. Как я найду эту шлюху?

— Запоминай. Она молодая — лет двадцать с небольшим. Фигуристая: грудь, талия, задница — все при ней. Ростом тебе до носа. Черные волосы ниже плеч, с завивкой. Темные, по-моему карие, глаза, пухлые губки, прямой нос — в общем, знойная сучка. На ней была красная куртка с лисьим мехом и высокие сапоги.

— Ты лучше скажи, где я могу найти эту чертову Катю?

— Так, вспомнил! — Генерал схватился за телефон. — Есть надежная зацепка. Я могу узнать, куда она поехала.

4

Найти место происшествия в жилом квартале, застроенном типовыми домами, не составило труда. Елена Петелина припарковала машину и направилась к зевакам, столпившимся за полицейской лентой, огораживающей квадрат у стены шестнадцатизэтажного дома. Старший лейтенант эксперт-криминалист Михаил Устинов, примчавшийся на мотоцикле, конечно, опередил следователя. Его большая вихрастая голова мелькала вокруг серебристого автомобиля «Шкода», на котором покоилось тело девушки.

Михаил Устинов, которого уважительно называли Головастиком, активно фотографировал и диктовал полному следователю по фамилии Егоров, прибывшему к месту происшествия из районного отдела полиции:

— Молодая женщина, возраст двадцать — двадцать три. Рост около ста семидесяти сантиметров. Волосы черные вьющиеся, длиной ниже плеч. — Пальцы эксперта в латексных перчатках раздвинули веки погибшей. — Глаза карие, нос прямой, рот средний, губы пухлые. Одета в красную кожаную куртку, окантованную рыжим мехом. Успеваете записывать?

Егоров, поначалу заполнявший протокол осмотра на весу, положил папку на крышку багажника «Шкоды», и дело пошло быстрее.

Елена осмотрела погибшую. Как мама девочки-подростка, она всегда болезненно воспринимала смерть юных девушек. Верхняя одежда скрывала неизбежные внутренние переломы. Смертельная травма, скорее всего, пришлась на затылок, которым девушка стукнулась о капот. Удар был такой силы, что даже на лице проступили черные гематомы.

Елена подняла взгляд на край крыши и попыталась представить ужасное падение. Это было важно. Обостренные эмоции на месте преступления, когда еще не

известны факты, не собраны улики, стимулировали ее интуицию. Следователь не раз убеждалась в том, что зачастую мысли, которые первыми пришли ей в голову, давали толчок в правильном направлении, а сохраненная в памяти картина преступления, включая звуки и запахи, помогала в дальнейшей кабинетной работе.

Зафиксировав впечатления, Петелина отошла от машины и поискала глазами оперативника капитана Марата Валеева. После ссоры с бывшим мужем ей хотелось почувствовать рядом с собой надежного мужчину. Однако сначала Елена увидела напарника Марата, Ивана Майорова. Высокий и крепкий старший лейтенант едва сдерживал худощавого озлобленного мужчину лет пятидесяти, одетого в потертую синтетическую куртку и старомодную меховую шапку-ушанку.

— Елена Павловна! — обратил на себя внимание оперативник. — Вот свидетель.

Под строгим взглядом женщины-следователя тот успокоился, и Ваня его отпустил.

— Кто вы? — спросила Петелина.

— Я ее отец! Это моя дочь Катя Гребенкина.

У Елены защемило в груди. Допрашивать родителей возле трупа только что погибшего ребенка — занятие для садистов. Но если речь идет об убийстве, первые часы — самые ценные в поиске преступника. И следователю приходится забывать о тактичности.

— Я понимаю ваше состояние, но если вы хотите нам помочь... — Елена интуитивно поняла, что гнев отца можно направить в нужное русло. — Если девушку убили, мы должны немедленно поймать преступника. Расскажите, как все произошло?

— Мы встретились на этом месте. Катя забежала в подъезд, а потом...

— Представьте и рассказывайте подробно.

— Меня зовут Гребенкин Игорь Васильевич, приехал сегодня из Саратова. Как сошел с поезда, созвонился с Катей. Она назвала адрес, и я приехал сюда.

— Катя жила в этом доме?

— Кажется, да.

— Вы точно не знаете?

— Я расстался с ее матерью вскоре после рождения Кати. Это было в городе Грайвороне, рядом с ним находилась воинская часть. Я служил, и меня перевели в Забайкалье. Мы не были женаты, и я уехал один, — оправдывался Гребенкин. — По молодости дураком был, даже не писал. Женился на другой, но ненадолго. Детей у нас не было. После окончания службы устроился в Саратов. А в этом году Катя сама меня нашла, через Интернет.

— Дочь написала вам?

— И даже приехала в Саратов! С тех пор я стал другим человеком, почувствовал, что не один на этом свете. Мы договорились встретиться сегодня в Москве. Я приехал, а тут...

— О чем вы говорили, когда встретились?

— Да ни о чем мы не успели поговорить! Я подарил ей колечко с топазом. Катя надела его, улыбнулась и пообещала, что меня ждет большой сюрприз. Она забежала в подъезд, а потом...

— Сюрприз? Она так и сказала?

— Да, огромный сюрприз. — Гребенкин сник еще больше. — Я ничего не понимаю. Неужели она имела в виду... Объясните, черт возьми, что здесь случилось?!

— Успокойтесь. Мы в этом обязательно разберемся. Катя выражала обиду?

— Какую обиду?

— Насколько я понял, вы бросили ее маленькой и ни разу не заинтересовались ее жизнью.

— На что вы намекаете? Думаете, это случилось из-за меня?! Я приехал, чтобы помочь дочери!